

Александр
БАЛТИН

Сияние советского деревенского космоса

Размышления и ощущения

Мощный крик деревенской прозы

Учитывая чрезвычайное (хотя и естественное) значение деревни в дебрях русской жизни, странно, что деревенская

проза как направление оформилась только к середине 60-х годов двадцатого столетия. Прорастая сквозь толщи литературного массива травинками очерков Валентина Овечкина, точными и острыми рассказами и зарисовками Александра Яшина, очерками Ефима Дороша, именно к сердцевине шестидесятых деревенская проза набирает ту меру художественной силы, что позволяет ей сложиться в своеобразный литературный пласт.

Колхозный опыт осмыслился критически, и страсти, бушующие внутри центральных произведений направления, не уступают огненным лабиринтам вполне городского Достоевского. Совесть – альфа книг Фёдора Абрамова; и определяющий пафос «Братьев и сестёр» есть единение народной силы перед пламенеющим ликом беды. Церковь используется, как клуб; но накал стихийного горения, в результате которого председатель снят с поста, не уступает молитвословию прежних веков.

Раскрытое сердце деревни пульсирует трудом, и запах жизни определяется ароматом произведённого хлеба. «Привычное дело» суммирует столько присущего русской деревне, что и больно и радостно становится: радостно от блеска и плеска живой жизни, горько – от того, что так всё спутано в ней, не развяжешь, и попытки хорошее отделить от дурного могут кончиться запоем...

Особняком стоят рассказы Юрия Казакова – с живописно прописанными образами простецких мужичков, скуласто и крепкоручко укоренённых в жизни, надоедающей им – как, например, в рассказе «В город», где плотник деревенский

даже сны видит только о городе, мечтая уехать туда, к дочери.

Несколько в стороне, мощно и одиноко возвышаются «Любовины» Шукшина – деревенский эпос, где корни жизни выдираются творящейся новью, коли сильный род кулака Любавина вынужден противостоят приехавшим гедеушникам...

И – точно от голоса природы самой – словно и не написанные, а чудом природной силы проявленные, возникают повести Распутина, в которых мало праздничного, но то, что были они и есть – уже праздник литературы...

Как далеко в небесных водах, в таинственных недрах неизвестного, мистического Китежа плеснувшая хвостом Царь-рыба становится классическим романом Астафьева...

Деревня тишаёт – когда не сходит на нет. Иные формы работы на земле: поди, рассказы нынешним тридцатилетним, что такое колхозы.

И возвышается крик советской деревенской прозы не только эстетическим, но и историческим уже феноменом.

Млечная метафизика Василия Белова

Ложатся фразы в пазы друг другу, как тщательные обработанные плотником доски; ложатся без зазора, не вставив металлический предмет критики между ними. Острый предмет.

Лодка плывёт – и человек, глядя в воду, видит, как гуляют по водным тропам горбатые окуни: большие, твёрдые, прохладные.

Изначальность воды плывёт, мерцающая тишиною, жизнь тая и открывая. Давшая некогда всю жизнь – изначальноность воды...

Свежесть сна – и городские дебри, что откроются чуть позже в «Воспитании по доктору Споку» Белова: писателя столь от земли русской, сколь сама она – от древности славной силы.

... Девчонка в летнем платье, стоящая на большелобом камне, зовущая сновидца; летняя отрада и успокоение, и – городская комната с при-

вычным бардачком. Плавно разматываются круги повествования – как будет оно ткаться на прялке старинной в этнографических очерках Василия Белова, всю жизнь собиравшего бывальщины, песни, пословицы, предметы материального быта; словно и не поэтизирующего Север, но показывающего его таким, что любая поэтизация была бы избытком.

Закаты и восходы, как духовные веера простоты и смысла, простёртые над нами; деревенский, деревянный лад, как нечто, извлечённое из недр затонувшего Китежа. Советский Китеж затонул окончательно, оставив по себе много замечательных свидетельств.

...Песня, одиноко звучащая над водой.

И родное всё – не выбросить из бесконечной метафизики жизни, не зачеркнуть. Только и остаётся – упиваться волшебным, млеком жизни текущим языком, да вспоминать чудные, цветочные красоты северной земли...

Александр Яшин как прозаик

В поэте зреет прозаическое зерно чаще, чем в прозаике поэтическое, и то, что Александр Яшин обратился к прозе, будучи уже признанным поэтом, свидетельствует и о мере его таланта, и об интенсивности внутренней работы.

Критика встретила его прозу по-разному: на разность насланивались утверждения, что прозой он заслонил себя как поэта; истина, как ей и полагается, находилась между полюсами.

Критике подвергся уже первый опыт Яшина в прозе «Рычаги»: мол, картина, данная в рассказе, слишком мрачна: не соответствует яви. Парадокс, однако, в том, что явь сама порою не соответствует образу, который должен бы её представлять; и сгущённая прозаическая мрачность Яшина логично вытекала из досконального его знания жизни – именно такой.

Правда поэта, перешедшего в прозу, была слишком наждачной – с одной стороны, а с дру-

гой – настолько хлебной, что невозможно было усомниться в подлинности предложенного.

Повесть «Сирота». Цикл маленьких рассказов – «Первый гонорар», «Старый валенок»... Акварельного разводи зарисовки, составившие цикл «Сладкий остров».

Александр Яшин раскрывался новою радугой: и дополнявшей его суровую, нежную, такую разную поэзию, и точно представляющей другого писателя. Деревня – его боль и счастье, его родина и тоска – глинисто отдавала пейзажи свои бумаге, и люди, проходившие по тропам рассказов, были слишком всамделишными для сомнений в их правоте.

В их счастье-несчастье, круто смешанном в лаборатории Яшина.

Он был прозаиком соли: самой сущности дней; и крестьяне, хающие до начала собрания колхозные порядки, а потом говорящие то, что нужно, во время оно, настолько очевидны, что мысли о сознательном очернительстве кажутся кощунственными.

Поэтическое дело Александра Яшина концентрацией силы давало кристалл, сверкающий небесными гранями. Но и проза его, взятая от земли, через боль и муку поднималась вверх, суля грядущее.

Шаровая мощь Василия Шукшина

Многих современных актёров следовало бы именовать не "народными", а "простонародными", как ряд писателей, некогда превозносимых – "псевдонародными"; тем не менее существует подлинная, сколько бы ныне не подвергался осмеянию этот термин, народность – прорастающая из самых глубин, из гущи и дебрей страны и витальных её возможностей, и Василий Шукшин лучше тому доказательство.

Все ипостаси его деятельности отмечены сим высоким знаком: и каждой было бы достаточно для величия, для того, чтобы остаться в истории

культуры столько, сколько она будет продолжаться; но писательская высота Шукшина – особая: она от подлинного золота речи.

Как естественно фраза любого рассказа ложится в другую! Как просто и ясно выходят из недр жизни замечательные персонажи: хитрованы и протачки, скрипящие деды и грезящие о космосе будущего мальчишки, праздные болтуны... и огромный, могучий телом поп, которого пырни ножиком – по желанию пьяного глуповатого мужичка, – так поболит немного и зарастёт.

И юмор Шукшина – из деревень, от жизни, простой и необходимой, с её повседневным хлебом и подвигом ращения детей... Как срезал Глеб Капустин зарвавшегося московского интеллигента! и ничего, что философию перепутал с филологией, так даже забавней...

Простота, известно, хуже чего бывает, но у Шукшина – яркая ясность: будто воздух сгущается в волшебные рассказы, открывая новые и новые ипостаси жизни народной – той, каковою была в годы, отмеренные мастеру.

И – рассказ к рассказу – будто строится терем прозы, нет! Китеж всплывает из вод нынешнего дурновкусия и глупости, связей и торгашества премиями: Китеж, сияющий красками ума, юмора, доброты – а всё это проза Шукшина предлагает в избытке.

Но не только в рассказах великолепны мускулы мастерства Василия Макаровича: и "Любовины", густо замешанная история рода, возвышаются над обилием разной мелкотравчатой и толсто-томной прозы; что за герои! какая великолепная гроздь характеров!

И Стенька бушует – оставшийся в веках, не прекратил ни бунта своего, ни разгула – проигравший победитель, пытаемый в конце так страшно, но смехом над палачами глумящийся, не дающий им насладиться стенами своими.

Василий Шукшин рядом с нами: вот они тома его, на многих полках; Василий Шукшин удивляется нам – как могли дойти до такой агрессивности, эгоизма, алчности; как могли дойти до нечтения книг, или чтения макулатуры, как могли стать такими?!

Изменитесь! – призывают тома великолепно-го Шукшина.